

ОМДС КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ МУСУЛЬМАН В РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

ОМДС, как и другие государственные учреждения, выполняло посреднические функции между государством и населением, участвовало в реализации мероприятий, которые разрабатывались в центральных и местных органах власти. Его самостоятельность ограничивалась рамками поставленных правительством задач.

Одной из обязанностей Духовного собрания был строжайший надзор за правильным исполнением муллами «возношений о здравии и благоденствии государя императора и августейшего дома». Совершение богослужения в честь императора приобрело всероссийское и политическое значение. При открытии Духовного собрания 4 декабря 1789 г. муфтий Мухамеджан Хусейнов призвал мусульман молиться за Екатерину II, которая является гарантом свободы вероисповедания в России. Включение в проповедь благодарности в адрес правителей не является чем-то противоречащим нормам ислама. Перед полуденной пятничной молитвой имам-хатыб произносил проповедь (хутба), в которой наряду с религиозными должны были трактоваться нравственные и политические вопросы. В проповедь включалось имя правителя, которому повинуется мусульманская община.

В конце XVIII – начале XIX в., хотя и существовало предписание властей о проведении в мечети молитв за царствующую особу, надзор за его исполнением был затруднен. В 1826 г. муфтий Габдессалям Габдрахимов сочинил воззвание по случаю вступления на престол Николая I. Утверждая, что императору власть дарована богом, он призывал мусульман «вознести благодарение наше ко всемышнему, продлить мольбы о сохранении навеки могущества царя». В связи с выступлением декабристов муфтий просил бога защитить царя от мятежа и других бедствий. К воззванию Габдессаляма Габдрахимова была приложена молитва, которую муллам надлежало исполнять еженедельно в пятницу в мечети. В дальнейшем сочинение молитв за здоровье государя участилось. Департамент духовных дел иностранных исповеданий выделил дополнительные официальные дни для совершения молитв за здоровье императора и членов его семьи. В конце XIX в. таких дней было 14.

В мусульманской литературе XIX в. решалась проблема отнесения России к странам ислама (дарал ислам) или иноверия (дарал харб). По поручению оренбургского генерал-губернатора В. А. Обручева в 1848–1853 гг. несколько видных имамов сочили трактат, в котором утверждалось, что народы России вправе

исповедовать любую религию, в том числе и ислам. Авторы признавали законность назначения кадиев и муфтия русским правительством и легитимность их судебных постановлений. Исходя из этой книги, муллы могли сделать вывод о законности введения молитв за императора и его семью. Но среди мусульманского духовенства были и другие мнения. Так, имамы Сеитовского посада Миннибай Локманов, Габдулгафур Габдрахимов и др. (всего 12 человек) в июле 1848 г. в письме к муфтию Габдулвахиду Сулейманову выразили опасение, что «принесенные в эти дни молитвы об увеличении побед, могущества, благоденствия Его Императорского Величества не будут приняты Богом, так как в их религии не имеется того, чтобы совершать молебствования в те дни, которые упомянуты». В ходе полицейского расследования муллы отказались от описанного документа, переложив ответственность в составлении обращения на умершего имама Хаммата Гайсина.

Рапорт имамов Сеитовского посада поколебал уверенность чиновников центральных учреждений в необходимости особых молитв для царской семьи. Министр С. Ланской писал военному министру: «Нельзя допустить, чтобы моления о здравии государя императора и августейшей фамилии могли казаться мусульманам грехом». Однако Духовное собрание поспешило развеять его опасения. Генерал-губернатор В. А. Обручев и религиозное учреждение обязали духовных лиц строго выполнять молитвы за царя и его семью в положенные дни.

Для мусульман были составлены особые клятвы при поступлении на государственную службу, при даче свидетельских показаний и для присяжных заседателей. В подготовке этих клятв непосредственное участие принимало Духовное собрание. Получившие степень имама, муэдзина или ахуна приносили клятву на верность императору в Духовном собрании, потом в губернском правлении. С 1897 г. данная процедура происходила в уездных полицейских правлениях. Для принятия клятв религиозное учреждение командировало духовных служителей в суды, тюрьмы и реформатские присутствия.

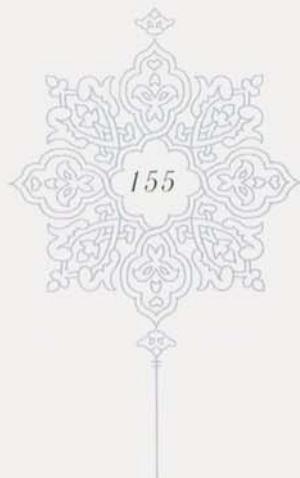
Духовное собрание придавало важное значение соблюдению населением мусульманских обрядов. В этом учреждению в первой половине XIX в. помогали вышестоящие органы. Но когда центральные власти принимали решения, противоречащие нормам шариата, оно как правительственные учреждение послушно разъясняло необходимость непопулярных мер. Так, 9 февраля 1827 г. Николай I утвердил мнение Государственного совета о погребении

умерших через 3 дня после смерти, что вызвало недовольство у части мусульманского духовенства и населения. В 1829 г. казанский старший ахун Габдулсатар Сагитов поднял вопрос о несоответствии этого указа мусульманским законам. Во всех богословских книгах, писал он, утверждается, что если «человек умрет рано поутру, то пусть похоронят его тем же утром, если же скончается вечером, то пусть его предадут земле тем же вечером». Его поддержали 600 башкир 5-го кантона, которые в своем обращении на имя императора заявили, что если «содержать тело умершего по 3 дня, тогда оно, смрадным запахом причиняя иным отвращения, а иным болезни, не может быть омыто, а следовательно, не допущено прочтения отходной». Ходатаи выражали недоумение фетвой муфтия Габдессаляма Габдрахимова, в которой действия правительства признавались согласными с мусульманскими канонами. Обеспокоенные власти искали подстрекателей из башкир, подозревая имама-хаджи Утягана Иерафилова. Кроме распространения нескольких фетв Духовное собрание вызвало 13 имамов в Уфу, где 5 июня 1834 г. взяло от них подписку о беспрекословном исполнении всех законов и предписаний правительства. Они обязывались убедить всех прихожан в правильности предпринимаемых местными властями мер по реализации указа от 9 февраля 1827 г. Старший ахун Абдулсатар Сагитов за свое выступление получил от религиозного учреждения строгий выговор.

В XIX в. для мусульманского общества очень важное значение имела пропаганда медицинских знаний. Большая часть мусульман стойко придерживалась взглядов о вредности медицины, причем нередко на формирование таких настроений влияли религиозные деятели. Они отстаивали мнение о недопустимости вмешательства врачей, к тому же являющихся приверженцами других конфессий, в жизнь людей, которой может распоряжаться только высшее существо на свете — Аллах.

Учитывая данные обстоятельства, правительство активно использовало Духовное собрание в борьбе с холерой, оспой и другими эпидемическими болезнями. В начале 30-х гг. религиозному учреждению было поручено провести пропагандистскую работу среди башкир и тептярей в целях убеждения их в необходимости послать детей для обучения медицине в Казань. Это было связано с большим упорством башкир Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов, категорически не желавших отпускать своих детей. В указанном выше прошении башкир 5-го кантона критиковалось не только решение генерал-губернатора П. П. Сухтеле-

на от 15 августа 1831 г. о наборе с уездов по 10–20 юношей для отправления в Казань, но и фетва муфтия, в которой поддерживалось это начинание.

В июле 1834 г. Габдессалям Габдрахимов вновь обратился к мусульманам с увещеванием о том, что «медицина благодарная, поощряемая Богом наука, потому что предмет ее есть человеческое тело, которое по природе для нас важно, ибо в целостности и сохранности оного мы больше всего испытываем нужду». На этот раз муфтий представил более четкую аргументацию в пользу науки медицины и использования ее достижений на практике. В частности, он подчеркивал, что «наука врачевания» по степени необходимости для человека находится на втором месте, уступая только богословию. Больным людям, прежде чем заниматься постижением законов религии, а этот процесс беспрерывный и продолжается всю жизнь, нужно исцелить свой организм. Выздоровление людей, по мнению Габдессаляма Габдрахимова, достигается не только обращениями к Всеышнему, но и принятием соответствующих лекарств и хирургическим вмешательством. Правда, муфтий приходил к заключению, что выздоровеет больной окончательно или нет, зависит от Аллаха, поскольку если человек совершил множество грехов, ничто и никто ему не поможет, ибо «недуг посыпается Богом и исцеляется Богом». Так как на тюрки не было книг о врачебном искусстве, муфтий изложил свои мысли под названием «Польза человеческого рода», где дал краткую историю медицины, доказывал ее пользу и необходимость для человечества. Вероятно, сходных взглядов придерживался и преемник Габдессаляма Габдрахимова муфтий Габдулвахид Сулейманов. Он составил таблицу со списком лекарственных трав, где привел их названия на латинском, татарском языках и указал полезные свойства. В дальнейшем распространение медицинских знаний путем издания сочинений продолжили видные татарские просветители Ш. Марджани и К. Насыри.

С конца 30-х гг. XIX в. ахуны и имамы по представлению Духовного собрания становились членами уездных оспенных комитетов, где преимущественно занимались документами о смертности мусульман от заразных заболеваний. Приходские имамы ежемесячно направляли уездным властям регистрационные карточки, на основании которых командировались врачи на места для лечения больных. В 1851 г. оренбургский губернатор отмечал, что «по Башкиро-мештеряскому войску осопрививание производится грамотно и успешно, по ведомству Госимущества неудовлетвори-

тельно, а у тептярей, особенно черемисов, весьма худо». Самоотверженная работа врачей при поддержке местного духовенства давала хорошие результаты. Если в 1848 г. в Оренбургской губернии холерой болело 47 397 человек, из них умерло 27 799 человек, а в 1849 г. скончалось 9 223 человека, то в 1850 г. в результате массовой вакцинации заболеваемость вообще прекратилась. Тем не менее эпидемии периодически повторялись. Во время эпидемии холеры зимой 1865–1866 гг., когда в некоторых уездах Оренбургской губернии численность мусульманского населения от болезни и голода сократилась на 30 % и более, имамы принимали участие в организации приемных покоев и надзоре за ними. Муфтий Салимгарей Тевкелев обратился к мусульманам России с просьбой оказать денежную помощь голодающим башкирам. К апрелю 1867 г. были собраны деньги (2 431 рубль), которые затем имамы распределили среди остро нуждающихся.

Политика центральных и местных государственных органов по отношению к исламу в течение XIX в. заметно изменилась. В первой половине XIX в. правительство призывало мусульман тщательно соблюдать обряды своей религии. Например, в июле 1845 г. командующий Башкиро-мешерякским войском Г. В. Жуковский издал приказ, гласивший, что «первый долг всякого доброго мусульманина есть исполнение с усердием своей религии, и это составляет главнейшую и священную обязанность человека, пренебрежение которой удаляет навсегда от обещанных благ в будущей жизни». Командующий предписал: все должностные лица, начиная от юртовых старшин и кончая кантональными начальниками, должны наблюдать, чтобы все башкиры и мишари посещали мечети в положенное время и выполняли законы шариата. Генерал-губернатор В. А. Обручев в 1842 г., совершая поездку по губернии, велел приходским имамам делать увещевания об обязательности пятивременных богомолений в мечети. В случае нехождения в мечеть он обещал принять жесткие меры. По настоянию Духовного собрания местная администрация запретила в 1834 г. башкирам селиться отдельными хуторами. Религиозное учреждение считало, что такая мера будет способствовать лучшему выполнению башкирами исламских обрядов.

Со второй половины XIX в. власти перестали помогать своему подведомственному религиозному учреждению контролировать приходское духовенство. Конфликт между местной администрацией и Духовным собранием возник в 1866 г., когда муфтий обратился к мусульманам с требованием строго соблюдать все об-

ряды религии. Генерал-губернатор Н. А. Крыжановский неожиданно резко отреагировал на требование Салимгарея Тевкелева к уездным полицейским управам распространить этот документ среди имамов. В послании в МВД от 14 ноября 1869 г. генерал-губернатор писал: «заставить же русскую полицию утверждать и распространять у себя в России шариат, гнать народ в мечети и приглашать прихожан к денежному платежу... поистине можно принять за насмешку над русскими властями». Попытки муфтия аргументированно доказать, что такой порядок действует на протяжении всего существования Духовного собрания, не привели к успеху. Министр А. Е. Тимашев согласился с оренбургским генерал-губернатором и предписал Духовному собранию не привлекать к своим акциям государственные органы.

В дальнейшем муфтии проводили организационную работу только через подчиненное духовенство. Например, 15 мая 1880 г. Духовное собрание приняло постановление о широкомасштабной проверке нравственной жизни всех духовных служителей. Ахунам предписывалось прислать сведения о неблагонадежных имамах.

В поле зрения Духовного собрания находилась и борьба с пьянством. В XIX в. среди мусульманского населения появились лица, увлекающиеся спиртными напитками.

Некоторые духовные лица, такие как А. Тухватуллин из д. Кунаевки Бакаевской волости Уфимского уезда, преследуя материальные интересы, способствовали открытию винных лавок и кабаков. Но все же большинство мусульманского духовенства сопротивлялось этому. В 1864 г. не без участия имама Абдулкагирова жители д. Чемансарово Мензелинского уезда сожгли винные лавки. В том же уезде в с. Ахмет-Абызово был убит неизвестными владелец кабака Г. С. Горбунов; незадолго до этого башкиры угрожали ему. Имам С. Раимов избил палками Сафиуллу Гаскархузина за допуск в дом торговцев вином. По инициативе имамов жители ряда деревень подавали коллективные прошения о закрытии кабаков и винных лавок.

Духовное собрание в своих постановлениях категорически выступало против пьянства, считая вино источником большинства преступлений против человека и общества. Оно предписывало духовным лицам беспрестанно вести работу с прихожанами по устранению негативных явлений. Муфтий Салимгарей Тевкелев предпринимал попытку на законодательном уровне запретить продажу вина в мусульманских селениях. «Убеждения духовных лиц и все принимаемые по моему указанию меры к тому, чтобы остановить

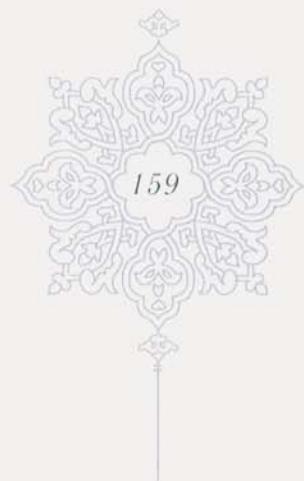

подобное увлечение, и отчасти нравственность народа оказываются бессильными против слишком явного соблазна, и магометанское население быстро развращается», — писал в 1882 г. Салимгарей Тевкелев в земство и в МВД. Он считал, что предел этому могут положить только репрессивные меры, в том числе закрытие всех кабаков в селах, где проживают мусульмане. Но ни правительство, ни земство не приняли план Салимгараев Тевкелева.

ОМДС приветствовало поручение уфимского губернатора полицмейстеру в феврале 1908 г. об ужесточении контроля над продажей спиртных напитков в пивных. Подразумевались строгие меры по отношению к тем заведениям, где допускалась продажа пива учащимся.

Тщетные попытки остановить распространение пагубных явлений в мусульманском обществе путем административного воздействия через государственные структуры оставляли Духовному соборанию лишь одну возможность — действовать через подчиненных мулл. 28 августа 1898 г. муфтий Мухамедъяр Султанов выпустил фетву, где с предельной откровенностью обрисовал положение российских мусульман. Он констатировал тот факт, что мусульмане изо дня в день отстают от других народов и, более того, повернулись спиной к прогрессу. «Я вижу, — писал муфтий, — что в нашем народе все более и более устанавливается невежество, черствость и грубость нравов, беспечная леность, отсутствие желания заниматься работой, ремеслом и искусством, со всеми влекущими за ними пагубными последствиями, как то: чрезмерной бедностью, презренной низостью, воровством, вероломством, плутней, пьянством, распутством, бесчестной торговлей — близкими предвестниками окончательного падения религии, национальности и промышленности». Вместо овладения знаниями, передовыми методами ведения хозяйства мусульманская молодежь, по мнению Мухамедъяра Султанова, слепо копирует внешние атрибуты европейской жизни, прежде всего в сфере развлечений (употребление спиртных напитков и посещение публичных домов). Муфтий считал, что главное в жизни человека — это труд ради благополучия себя, семьи и общества.

Реальные, хотя и далекие перспективы выхода из кризиса глава мусульман видел в перестройке воспитательной работы. Поскольку у башкир и татар в то время отсутствовала когорта людей, способная вывести народы из кризиса, Мухамедъяр Султанов все надежды возлагал на духовенство. Правда, и «духовные наши учители вместо того, чтобы встрепенуться и выйти из оцепенения, про-

будить вместе с тем и братию из глубокого беспечного сна, чтобы приняться за исправление народной массы... заводят между собой ссоры и споры, предаются более, чем миряне, роскоши и неге». Но все же муфтий полагал, что имамы и муэдзины способны «исправиться» сами и начать просвещение масс. Располагая возможностью влиять на население, мусульманское духовенство должно, по мнению Мухамедьяра Султанова, донести до паствы простые и понятные истины на родном языке в мечетях каждую пятницу. Все имамы обязывались прислать в Духовное собрание 2 или 3 образца проповедей. В случае невыполнения предписания Мухамедьяра Султанова о начале просветительской работы среди населения муллам было обещано увольнение с должности. Мысли, изложенные главой Духовного собрания, идентичны представлениям известных башкирских и татарских просветителей Ш. Марджани, Х. Феизханова, М. Уметбаева, Р. Фахретдинова и др.

МУСУЛЬМАНЕ РОССИИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Мусульманское духовенство получило легитимность в армии в связи с введением военно-административного управления в Башкирии и созданием иррегулярного воинского соединения — Башкиро-мештерякского войска (1798 г.). В случае участия войска в военных походах Российской армии оно комплектовало пятисотенные полки, в которых по штатному расписанию предусматривался один мулла. Мусульманское духовенство в составе башкирских, мишарских и тептярских полков принимало участие в войнах России с наполеоновской Францией 1806—1807 гг. и 1812—1814 гг., в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Полковые муллы поддерживали не только боевой дух солдат-мусульман, но и способствовали выработке у них своеобразного кодекса чести (гуманное отношение к военнопленным, запрет на взятие военных трофеев и разорение культовых учреждений и т. д.). Во время этих войн Духовное собрание сочиняло патриотические воззвания отправлявшимся на фронт, но не все из них признавались властями удачными. Например, в 1812 г. фетва муфтия Мухамеджана Хусаинова показалась правительству слишком воинственной. Создав Башкиро-мештерякское войско, Российское правительство переложило на плечи местного населения (в основном башкир, мишарей и тептярей) охрану восточных рубежей империи, соз-

дало в крае плацдарм для завершения присоединения Казахстана и Средней Азии. Это наглядно проявилось во время Хивинского похода (1839 г.) и военной операции против Кокандского ханства (1853 г.), в которых значительную роль сыграли башкирские полки. В этих кампаниях приняло участие более десятка мулл, которые были призваны обеспечивать идеологическую устойчивость мусульман в военных действиях против единоверцев. Духовное собрание сочиняло воззвания к их участникам, критике исламского единства и необходимости отстаивания государственных интересов Российской империи.

Порядок прохождения воинской службы мусульманского духовенства края в мирное время определялся командующим Башкиро-мештерякским войском.

В планах военных властей было введение четкой вертикали среди религиозных служащих. С этой целью в войске в 1850 г. была учреждена должность старшего ахуна, которую занял Гатаулла Алтынгужин. Однако он не имел возможности управлять мусульманским духовенством. Фактически его функции в основном сводились к составлению справок для военного командования и переводу инструкций и обращений командующего Башкиро-мештерякским войском.

В 60-х гг. XIX в. кантонная система управления и Башкиро-мештерякское войско были ликвидированы (Положение от 14 мая 1863 г. и постановление Государственного совета от 2 июля 1865 г.). В соответствии с законодательством 1874 г. мусульманское духовенство не было освобождено от всеобщей воинской повинности. При этом законодатели исходили из того, что по законам муллой можно было стать в 25-летнем возрасте, то есть по отбытии воинской службы.

Изменился и порядок приведения мусульман к воинской присяге.

При Николае I происходит настоящий прорыв в отношении военнослужащих-мусульман. «Мусульманские служащие впервые допускаются к исполнению духовных обязанностей в регулярной армии, военно-учебных заведениях, военных заводах, военно-морском флоте, гарантируются религиозные права арестованных и осужденных военнослужащих-мусульман». Мусульманское духовенство в регулярной Российской армии получило определенные права, когда в начале XIX в. в Отдельном гвардейском корпусе, позже в Крымско-татарском эскадроне и некоторых других частях Российской армии были учреждены должности военных мулл. Причем в Отдельном гвардейском корпусе, в котором насчитывалось очень много офицеров и солдат, исповедующих ислам, были введе-

«Клянусь Господом Всемогущим,
в присутствии преславного Корана...»

ФОРМА КЛЯТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ МУСУЛЬМАН,
ПОСТУПАЮЩИХ В ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

23 февраля 1864 г.

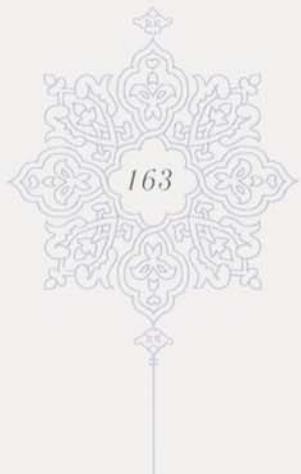
Клятвенное обещание, с переводом оного на Джагатайско-Татарское наречие:

Я, написавший внизу бумаги сей имя свое, клянусь Господом Всемогущим, в присутствии преславного Корана, произнося клятву: валахи, биляхи, таллахи, в том, что взял на себя и обязался служить верою и правдою Его Императорскому Величеству, моему Августейшему Владыке и Повелителю, Всемилостивейшему Императору, Самодержавному Государю всея России Александру Николаевичу и истинному и природному Наследнику Его Царства, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу и Им во всем повиноваться, и на службе Их не отступать от пролития крови моей и ради Их не задуматься жертвовать мою жизнию до последнего вздоха; предостерегать и обронять всеми силами души и тела и всею возможностью мою все, что относится к Самодержавству Повелителя моего, Августейшего Императора, силе и власти Его принадлежащим правам и преимуществам, как существующим ныне и узаконенным, так и тем, которые будут существовать когда-либо; употреблять все мои усилия на исполнение всего того, что потребуют обязанности верного служения Его Величеству, так же как и того, что касалось бы каким бы то ни было образом пользы и блага оного. Если же узнаю об упущениях по службе Его Величества или о случае и происшествии, могущих обратиться во вред интересам Его Величества, или хоть насколько-нибудь нанести им ущерб, обязуюсь не только извещать об этом немедленно тех, к кому по службе должно относиться подобное уведомление, но также с поспешностью устранивать и отвращать их; хранить крепко всякую Государственную тайну, которая бы мне открылась случайно или доверена бы была мне от Высочайшего Императорского Правительства; исполнять с верностью и честью, надлежащим образом все, что потребует чин, который бы на меня был возложен, как по сему генеральному обещанию, так и согласно тому, что потребует всякое другое

особливое и определенное обещание, и, наконец, по всем приказам и инструкциям, определяемым Именем Его Величества от предустановленных надо мною начальников. Для личной пользы своей, или в видах собственного интереса, или родственника, приятеля, или из личной вражды не делать ничего такого, что бы было противно требованиям моего долга службы и условиям клятвы моей; во всем вести себя так, каклично верному слуге и честному подданому Его Императорского Величества, и как я должен буду во всем этом отдать отчет перед Богом в страшный день судный. Беру Бога Всевышнего и Правого в свидетели сей моей клятвы. Да требует Он с меня в ней отчета вечно и беспрерывно и да лишит Он меня Своего покрова и Своего милосердия, если я не выполню оной. И потому прошу Его послать мне помощь и возможность душевную и телесную для выполнения клятвы сей. И Бог, конечно, есть наше прибежище, и Он внемлет молитвам нашим. Заключаю сию мою клятву целованием преславного Корана. Аминь.

ны должности военного ахуна и военных мулл. Все они избирались на собраниях военнослужащих, а окончательное назначение производилось уже Министерством внутренних дел. Отличительной особенностью Отдельном гвардейского корпуса было то, что пища для солдат-мусульман готовилась по законам шариата.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. мусульманское духовенство использовалось в разъяснительной работе среди населения. Например, в церемониях отправки на фронт в г. Уфе участвовали муфтий Салимгарей Тевкелев, заседатели Духовного собрания, имамы. Они призывали военнослужащих-мусульман биться с противником до последней капли крови, а изменившим присяге монарху предрекали гибель. В то же время сами имамы и муэдзины участвовали в военных действиях на общих основаниях. Только некоторым из призванных мулл были предоставлены должности при штабах. Например, имам д. Русаково Свияжского уезда Казанской губернии Шагабутдин Рахматуллин состоял на военной службе писарем унтер-офицером 137-го Имеретинского пехотного полка и был награжден за добросовестную службу медалью. В 1877 г. после обращения Салимгарея Тевкелева в МВД в Российской армии были учреждены штатные должности мусульманских мулл. В их обязанности входили обезд всех частей, где служили мусульмане, присутствие на принятии присяги, беседы и проповеди, а также вы-

ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ К ПРИСЯГЕ
И ТЕКСТ КЛЯТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ
Извлечение из свода военных постановлений

1869 г.

5. Поступающие на военную службу магометане приводятся к присяге по особой форме, указанной ниже в Приложении III, на том из принятых в оной пяти языков, какой известен присягающему (пп. А–Д). Порядок приведения к присяге магометан следующий:

1) присягающий должен во время присяги держать два перста правой руки своей на раскрытом Алкоране, повторять слова присяги, которые ему читает духовное лицо магометанской веры, и по окончании клятвы целовать слова Алкорана;

2) лицо, наряженное для присутствия при принятии присяги, обязано:

а) проверять правильность выполнения оной по тому столбцу (прилож. формы), в котором татарские или другого восточного языка слова присяги изображены русскими буквами;

б) наблюдать, чтобы духовные лица магометанской веры во время чтения присяги, а в особенности при окончании оной, отнюдь не произносили фразы по-арабски «инша аллах», а по-татарски «аллах-тилясе» (т. е. Богу угодно), а также не переменили своего места и положения, чтобы после каждого продолжительного с их стороны перерыва чтения из-за кашля, обморока и проч. они возобновляли чтение присяжного листа;

3) в тех местах, где не окажется духовного лица магометанской веры, приведение к присяге магометан должно быть возложено на кого-либо из грамотных мусульман, а если присягающий сам грамотен, то ему самому предоставляется право читать слова присяги. За неимением же грамотных мусульман и за безграмотностью приводимого к присяге лица, наряженное для привода его к оной, должно читать ему слова присяги, написанные русскими буквами.

А-Д: джагатайско-татарское наречие, персидский язык, турецкий язык, арабский язык, азербайджано-турецкое наречие.

Приложение III. А. Клятвенное обещание с переводом оного на джагатайско-татарское наречие, персидский язык, турецкий язык, арабский язык, азербайджано-турецкое наречие.

Я, написавший внизу бумаги сей имя свое, клянусь Господом Всемогущим в присутствии преславного Корана и произношу клятву «Валлахи, билляхи, таллахи» в том, что:

взял на себя и обязался служить верою и правдою Его Императорскому Величеству, моему Августейшему Владыке и Повелителю, Всемилостивейшему Императору, Самодержавному Государю всея России Николаю Александровичу, истинному и природному Наследнику Его Царства, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу, Великому Князю Алексию Николаевичу и Им во всем повиноваться;

на службе Их клянусь не отступать от пролития крови моей и ради Них, не задумываясь, жертвовать моей жизнью до последнего вздоха;

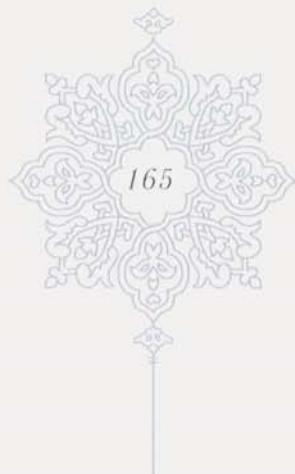
предостерегать и оборонять всеми силами души и тела и всею возможностью моей все, что относится к Самодержавию Повелителя моего, Августейшего Императора, силе и власти Его, принадлежащим правам и преимуществам, как существующим ныне и узаконенным, так и тем, которые будут существовать когда-либо;

употреблять все мои усилия на исполнение всего того, что потребуют обязанности верного служения Его Величеству, так же как и того, что касалось бы пользы и блага оного.

Если же узнаю об упущениях по службе Его Величества или о случае и происшествии, которые могут обратиться во вред интересам Его Величества или хоть насколько-нибудь нанести им ущерб, обязуюсь не только извещать об этом немедленно тех, к кому по службе должно относиться подобное уведомление, но также с поспешностью устранять и отвращать их.

Клянусь крепко хранить всякую Государственную тайну, которая бы мне открылась случайно или доверена была мне от Высочайшего Императорского Правительства;

исполнять с верностью и честью все, что потребует чин, который на меня был возложен, как по сему генеральному обещанию, так и согласно тому, что потребует всякое другое особливое и определенное обещание, и, наконец, по всем

приказам и инструкциям, определяемым Именем Его Величества от предустановленных надо мной Начальников.

Для личной пользы своей или ввиду собственного интереса, интереса родственника, приятеля, из личной вражды не делать ничего такого, что бы было противно требованиям моего долга службы и условиям клятвы моей; во всем вести себя так, как прилично верному слуге и честному подданному Его Императорского Величества, так как я должен буду во всем этом отдать отчет перед Богом в страшный день судный. Беру Бога Всевышнего и Правого в свидетели сей моей клятвы. Да потребует Он с меня в ней отчета вечно и беспрерывно и да лишит Он меня Своего покрова и Своего милосердия, если я не выполню оной. И потому прошу Его послать мне помочь и возможность душевную и телесную для выполнения клятвы сей. И Бог, конечно, есть наше прибежище, и Он внемлет молитвам нашим. Заключаю сию мою клятву целованием преславного Корана. Аминь.

полнение обрядов принятия в ислам, поминование усопших и похороны по мусульманским обычаям.

В крупных городах — Москве и Санкт-Петербурге, а также в некоторых городах Восточной Сибири и Северного Кавказа на штатные должности военных мулл назначались главы местных мусульманских приходов, поэтому посещение ими военных частей носило непостоянный характер. Да и в этом не было необходимости: военные сами посещали мечети и общались с имамами. С момента назначения на должность военный мулла находился в двойном подчинении. По всем служебным вопросам он выполнял приказы своего военного командования. При решении семейно-брачных и имущественных дел, которые по российскому законодательству относились к компетенции мусульманского духовенства, военный мулла обращался в Духовное собрание и получал оттуда соответствующие инструкции. Циркуляром МВД от 20 мая 1892 г. военным муллам разрешалось совершать религиозные обряды и у частных лиц. Данное решение правительства привело к череде конфликтов между военными и гражданскими муллами. Особенно обострилась ситуация в мусульманской общине г. Варшавы, где несколько группировок вели междуусобную борьбу и меняли религиозных служащих. Порядок несения службы в воинских частях был единообразен. Муллам запрещалось ношение бороды, а традиционную для служителей культа одежду разрешалось надевать только во время

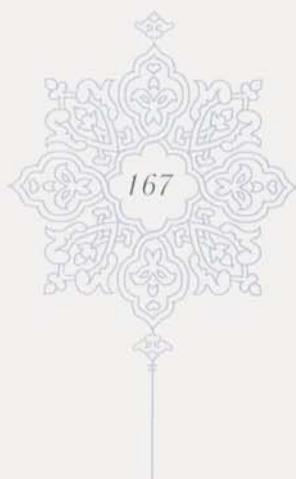
мусульманских праздников и при исполнении религиозных обрядов. Муллы через Духовное собрание пытались в 1848 г. изменить вышеуказанные правила, однако военные ведомства и МВД отказались идти на этот шаг.

В 1896 г. в ходе реформирования Российской армии должности военных мулл были упразднены. ОМДС не могло оставить этот факт без внимания. Муфтий Мухамедъяр Султанов 26 марта 1903 г. лично представил императору Николаю II докладную записку, в которой выражал крайнюю озабоченность ликвидацией штатных должностей мулл, тем более что это произвело «удручающее впечатление на все мусульманское население империи и возбуждает среди него нежелательные опасения в смысле ограничения веротерпимости». При отстаивании своего мнения М. Султанов ссылался на многочисленные ходатайства военнослужащих, в которых содержались рассуждения по поводу их «угнетенного состояния».

Реакция российского императора на ходатайство муфтия была достаточно благожелательной. По его распоряжению от 30 августа 1903 г. все уволенные с военной службы муллы обеспечивались пожизненной пенсией. Кроме того, было принято решение о восстановлении должностей военных мулл, для чего в армии проводилось статистическое исследование. Его результаты показали, что в 1904 г. в рядах вооруженных сил состояло около 30 тыс. военнослужащих-мусульман, из них только 275 являлись офицерами. Наибольшее количество военнослужащих-мусульман насчитывалось в Варшавском (9 тыс. человек) и Виленском округах (8 тыс. человек). Благоприятные отзывы на восстановление штатных или учреждение новых должностей мулл дали командующие войсками Варшавского, Киевского и Приамурского военных округов. Начальники остальных округов высказались против этой меры, посчитав возможным приглашать для совершения обрядов ближайшее к месту расположения воинских частей приходское духовенство.

Необходимо отметить, что некоторым мусульманам удалось сделать карьеру в Российской армии. Так, по подсчетам П. А. Зайнчковского, в 1903 г. среди 4 тыс. офицеров в капитанском звании было 38 мусульман, среди 1 500 генералов — 9. По словам австрийского ученого А. Капеллера, это не соответствовало их доле в населении России, но все-таки было аномалией для европейского государства.

Быстрому решению вопроса о военных муллах помешала Русско-японская война 1904–1905 гг. В дальневосточной кампании приняли участие десятки тысяч мусульман. Также на военную

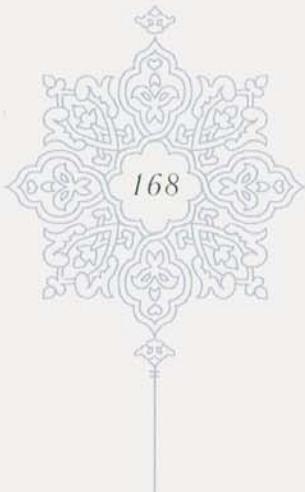
службу было призвано около 200 мулл, большинство из которых непосредственно участвовало в военных действиях. 14 мая 1904 г. Николай II повелел учредить на время военных действий по одной штатной должности мулл при штабе Маньчжурской армии и штабе Приамурского военного округа. По размеру денежного содержания и другим видам довольствия они были приравнены к младшему офицерскому составу.

Назначение военных мулл в действующую армию происходило с непосредственным участием Духовного собрания. В течение короткого времени оно подобрало соответствующие кандидатуры и направило документы для утверждения в Министерство внутренних дел.

Уже в июле 1904 г. избранные Духовным собранием военные муллы Гиниятулла Абызгильдин и Гирфан Рахманкулов отбыли на театр военных действий. Правда, Гиннатулла Абызгильдин недолго пробыл на военной службе. Он был уволен из армии по причине плохого здоровья. Приказом Оренбургского магометанского духовного собрания от 9 февраля 1905 г. вышеуказанную военную должность занял Хабибрахман Мухамадеев, состоящий муллой при 50-м полевом лазарете в г. Харбине.

В связи с образованием 3-й Маньчжурской армии в ноябре 1904 г. на должность военного муллы штаба был назначен Гайса Расулов, двоюродный брат Зайнуллы Расулева. В феврале 1905 г. он побывал в японском плену. Интересно, что в рапорте военного муллы на имя муфтия Мухамедьяра Султанова не содержится никаких негативных слов в адрес японцев. Г. Расулов отмечал гуманное отношение к себе японского командования, через короткое время отправившего его обратно в Российскую армию. 2 марта 1906 г. мулла при штабе 3-й Маньчжурской армии ахун Гайса Расулов «за отличие в делах против японцев» был награжден орденом Святого Станислава III степени с мечами.

Однако если положение военных мулл было удовлетворительным, то десятки представителей мусульманского духовенства, призванные в армию, испытывали все тяготы воинской службы наряду с рядовым составом. Положение усугублялось тем, что мусульманских офицеров было мало, а большинство башкир и татар не владело русским языком. Часть русского офицерства достаточно пренебрежительно относилась к военнослужащим-мусульманам, использовала их на самых сложных участках фронта. В этих условиях муллы предпринимали попытки облегчить свое положение и обращались за помощью в Духовное собрание. Государственно-религиозное уч-

Министерство
внутреннихъ дѣлъ.

департаментъ
духовныхъ дѣлъ
иностранныхъ исповѣданій.

27 Апрѣля 1906 г.

№ 222

Въ Оренбургское Магометанское Духовное Со-

брание.

Но. 4 Мар 1906 въ с. 46

46

По всеподданѣйшему докладу Г. Министра

Внутреннихъ дѣлъ, 2 мин. марта, состоялось ВСЕ-
МИЛОСТИВѢЙШЕЕ соизволеніе на утвержденіе пожало-
ванной, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ
награды - ордена Св. Станислава третьей степени
съ мечами -муллъ при Штабѣ третьей Маньчжур-
ской армии, ахуну Гайсу Расулову.

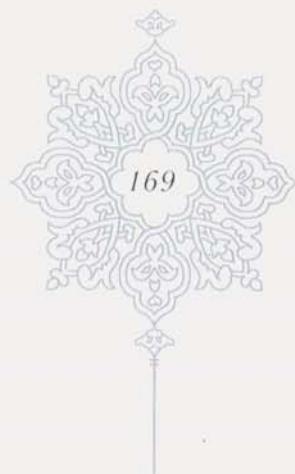
О вышезложенномъ Департаментъ сообщаетъ

Духовному Собранию и препровождаетъ при семъ
присланную нынѣ изъ Капитула Орденовъ грамоту
на означенное пожалованіе, прося сдѣлать распо-
ряженіе о доставленіи оной по принадлежности.

Вице-Директоръ

А. Н. Смирнов

Секретарь *А. Г. Григорьев*

реждение выступило с инициативой о предоставлении муллам особых условий службы, что было положительно воспринято в Санкт-Петербурге. 17 марта 1904 г. Главным штабом Военного министерства было сделано распоряжение о зачислении призванных на службу мулл в военно-врачебные заведения — не более 2 человек на каждый госпиталь или лазарет. Однако и реализация этих мер вызвала множество нареканий со стороны мусульманского духовенства. Например, Сагдиахмет Муллаев, служащий в 54-м полку 214-й Мокшанской дивизии, в апреле 1905 г. сообщал муфтию, что начальство его игнорирует. Муфтий просил штаб 3-й Маньчжурской армии перевести С. М. Муллаева в госпиталь.

В целом мусульманское общество находилось на патриотических позициях и демонстрировало полную поддержку власти. Например, известный ахун д. Медиак Челябинского уезда Оренбургской губернии Г. Курбангалиев в мае 1905 г. устроил трехдневное богомоление по «случаю войны России с Японией». В лагере около деревни собралось 500 человек, в его центре был поставлен высокий столб с российским флагом. Правда, недоброжелатели ахуна написали на него донос, утверждая, что в лагере царила атмосфера всеобщего веселья, подогреваемая распитием спиртных напитков и азартными играми. Необходимо отметить, что РСДРП пыталась использовать мусульманский фактор и имеющиеся в обществе настроения против войны. В Уфимской губернии распространялись листовки, в которых причудливым образом связывались вопросы войны с Японией и свободы вероисповеданий. Так, Комитет Восточного района РСДРП в марте 1905 г. призывал: «Вдумайтесь хорошенько и оцените, какие может иметь благие последствия свобода религии и к каким ужасам ведет война с Японией». В прокламации содержался призыв к мусульманам постараться отменить существующий порядок издания законов по воле царя, тогда «законодательная власть перейдет в руки самого народа». «Да поможет вам Аллах! Так велит нам поступать религия!» — такими привычными для всех мусульман словами заканчивалось обращение.

Во время Русско-японской войны Духовное собрание активно занималось благотворительной деятельностью. За короткое время на нужды раненых и инвалидов было собрано более 65 тыс. рублей.

9 октября 1905 г. по распоряжению правительства во всех церквях и мечетях проводились молебны по случаю окончания войны с Японией. После Русско-японской войны должности во-

енных мулл были упразднены. Это вызвало недовольство мусульманской общественности, которая просила, чтобы мусульманское духовенство исполняло свои обязанности и в мирное время.

Демократические преобразования в России, происходившие в 1905–1906 гг., затронули и сферу государственно-религиозных отношений. Был официально провозглашен принцип терпимости ко всем нехристианским религиям. В условиях демократизации общества Духовное собрание предприняло ряд мер, направленных на выявление интересов мусульман в различных сферах жизни. Оно рассчитывало на то, что ожидаемые реформы приведут к укреплению позиций ислама в стране, где государственной религией являлось православие. Характерной чертой того времени стал рост обращений мусульманского духовенства в органы государственной власти по различным проблемам имамов и муэдзинов.

В период оживления общественной жизни одним из направлений работы Духовного собрания стала организация представительных совещаний. С их помощью предполагалось повлиять на правительство, изменить его отношение к мусульманам.

5 февраля 1906 г. по инициативе и под председательством Мухамедьяра Султанова в Уфе состоялось совещание по вопросам службы российских мусульман в Российской армии. В совещании участвовали представители военных — генерал-майор М. Шайхалиев, полковники К. Тевкелев и Х. Акчурин, кадии Духовного собрания ахуны Р. Фахретдинов, Г. Капкаев, Х. Усманов, военный ахун Сарей Сеидханович Джантюрин, военные ахуны и имамы Х. Мухаметдиев, Г. Абызгильдин, М. Габдулзепаров, А. Сафаров, М. Губейдуллин и др. На нем обсуждался широкий круг проблем, связанных с необходимостью функционирования исламских институтов в армии, а также более полного удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих-мусульман.

Совещание выработало ряд предложений для государственных органов, осуществление которых, по мнению собравшихся, поможет обеспечить надлежащее духовно-нравственное воспитание военнослужащих, а также должный порядок и дисциплину в войсках.

Первый пункт резолюции, касающийся введения должностей мулл в воинских частях, регулярного приглашения приходских имамов для исполнения религиозных обрядов, не вызвал особых разногласий. Предлагалось приравнять военных мулл по статусу и денежному довольствию к полковым христианским священникам или батальонным командирам (полковник Акчурин), назна-

чать мулл, исходя из численности военнослужащих-мусульман (1 мулла на 3–4 тыс. человек).

Участники совещания также посчитали целесообразным расширить круг обязанностей мулл в войсках. В связи с этим определенной критике подвергся правительственный проект наделения мулл лишь обязанностями организаторов погребальных обрядов и приведения солдат к присяге. Поэтому к традиционному перечню предлагалось добавить проведение пятничных и праздничных молитв в специально приспособленных в каждой казарме помещениях, периодическое посещение лазаретов, введение в программу занятий солдат-мусульман бесед со своими духовными наставниками, так как «только религия в состоянии сохранить солдату человеческий, нравственный облик, необходимый ему для сознательного и достойного несения царской службы». Причем выступавшие вспоминали и опыт Русско-японской войны, когда солдаты из мусульман продемонстрировали высокие моральные качества, воздержание от разбоев и погромов, имевших место на фронте. Через все выступления отчетливо проходила мысль об уравнении солдат-мусульман с православными соратниками в возможности удовлетворения религиозных нужд, а также реализации их специфических потребностей, связанных, например, с употреблением особо приготовленной пищи (разделанное по шариатским правилам мясо, отказ от свинины, спиртных напитков и т. д.). Просьба была озвучена еще весной 1905 г., когда башкиры ряда уездов Уфимской и Оренбургской губерний обращались к властям, чтобы «солдатам-башкирам, находящимся в частях войск, был отдельный котел и чтобы их не кормили свининой, и чтобы им, башкирам, вести свою жизнь по мусульманскому шариату».

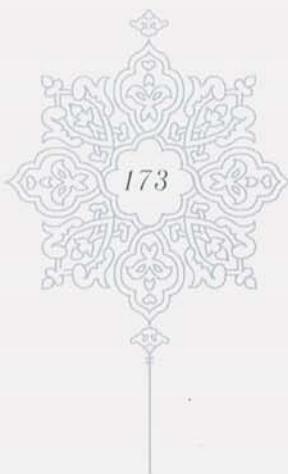
Большинство участников, приводя самые разнообразные аргументы, поддержало идею образования отдельных мусульманских воинских частей.

В 1906 г. Главный штаб решил в дополнение к двум существующим в Дагестанском конном полку и Крымском дивизионе штатным единицам мулл учредить еще четыре. ОМДС сочло такие меры недостаточными. При этом оно указывало на невозможность частых посещений воинских частей гражданскими муллами. В связи с этим Духовное собрание добивалось увеличения числа военных мулл до 12. МВД поддержало предложения религиозного учреждения и просило Главный штаб утвердить в должности 8 мулл.

Вопрос о количестве военных мулл обсуждался на Военном совете в 1906 г., где с соответствующей справкой выступил муфтий Мухамедъяр Султанов. Разумным посчиталось учреждение 9 должностей мусульманских военных мулл. Это предложение было поддержано Военным министерством и Положением от 9 июня 1908 г. В Виленском, Варшавском, Киевском и Приморском военных округах полагалось назначить по двое военных мулл, в Московском — одного. В их обязанности входило совершение религиозных обрядов при похоронах, организация праздничных богослужений (в том числе пятничных), а также дача наставлений военнослужащим-мусульманам. Специально оговаривались вопросы денежного содержания, оплаты расходов на командировки и проживание. Так как количество мулл было явно недостаточным, военным властям предлагалось привлекать гражданских мулл, выплачивая деньги на их проезд к месту совершения религиозных обрядов.

Наибольшие разногласия вызвал вопрос о порядке назначении мулл. Согласно Положению оно осуществлялось Главным штабом по представлению штабов военных округов. При этом ДДДИИ лишь ставился в известность о новых назначениях, а ОМДС было вовсе лишено возможности влиять на процесс подбора кандидатур на должности военных мулл. Последнее обстоятельство вызвало недовольство муфтия и заседателей, направивших в апреле 1909 г. специальное обращение в правительство. По их убеждению, отстранение от этого вопроса государственно-религиозного учреждения фактически открывало путь для назначения на должности случайных лиц. В доказательство приводился уже составленный штабами список из пяти кандидатов, из которых ни один, по мнению Духовного собрания, не удовлетворял высокому предназначению военного муллы. То, что вне поля зрения воинского начальства остались религиозные служители, блестящие зарекомендовавшие себя во время Русско-японской войны и награжденные орденами, свидетельствовало как о неосведомленности военных штабов, так и о неправильности самой процедуры отбора претендентов. Учитывая это, а также и то, что в Духовном собрании уже скопилось 40 заявлений на искомые должности, муфтий и заседатели предлагали регламентировать степень своего участия в данной процедуре путем предоставления прав выдачи соответствующих рекомендаций кандидатам. В какой-то мере правоту Духовного собрания иллюстрировала ситуация в г. Варшаве, где кандидатура предлагаемого на должность военного муллы Галея

Сюняева вызвала столь резкое неприятие мусульман, что военное командование отзвало его назад. По рекомендации Духовного собрания в июле 1909 г. штаб Варшавского военного округа утвердил военным муллой Мухаметхатыпа Юсупова, имевшего подходящее религиозное образование.

По числу религиозных служителей в армии, финансовому обеспечению мусульмане значительно уступали представителям других конфессий. Так, в 1913 г. на удовлетворение религиозных потребностей православных в армии было предусмотрено 1,981 млн рублей, католиков — 29 тыс. рублей, лютеран — 15 тыс. рублей, мусульман — всего 6 тыс. рублей. Например, в Иркутском военном округе служила 1 тыс. лютеран и имелся один штатный пастор, тогда как на 3 тыс. солдат-мусульман не было ни одного духовного лица. В связи с этим депутаты Государственной думы от мусульманской фракции пришли к выводу, что «в военном ведомстве имеет место различное отношение к служащим в зависимости от их вероисповедания, между тем оно должно было бы стоять выше этой политики, наносящей вред и ущерб единству армии». Необходимо отметить, что Духовное собрание и представители мусульманской фракции в вопросах отстаивания интересов мусульман в правительственные инстанциях занимали одинаковую позицию и это помогало добиваться положительных решений. Так было и при обсуждении в российском парламенте вопроса о призывае в действующую армию имамов и муэдзинов, что вызывало недовольство мусульманского населения. Благодаря единой согласованной позиции мусульманских депутатов и Духовного собрания в 1912 г. в Устав о воинской повинности были внесены изменения, освобождающие высшее мусульманское духовенство и муэдзинов старше 22 лет от призыва в армию. Эта поправка вошла и в новую редакцию воинского Устава (19 апреля 1915 г.).

Российские власти как и прежде особое внимание обращали на «турецкий фактор». Например, в 1910 г. стало известно, что турецким шейх-уль-исламом издана фетва, «обращенная ко всем мусульманам, в том числе и русским, с приглашением к пожертвованиям на усиление турецкого флота, которая должна быть зачитана во всех мечетях». По распоряжению властей Духовное собрание 2 апреля 1910 г. предписало всем имамам дать расписки, что они воздерживаются от оглашения указанной фетвы в мечетях и от распространения ее среди своих прихожан.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

С самого начала эпохи империализма османская Турция являлась ареной экономической и политической борьбы империалистических держав, особенно Англии, Германии и России. Территория Турции, омываемая шестью морями, перехватывала все сухопутные пути между Европой, Малой Азией и Африкой и кратчайшие пути из Европы в Индию — Суэцкий канал и Багдадскую железную дорогу. Таким образом, участие Турции в мировой войне было неизбежным. В военном отношении она находилась под наибольшим влиянием Германии, поэтому выступление Турции на стороне враждующих с Россией европейских держав было исторически предопределено.

Вместе с тем Турция по-прежнему являлась в глазах миллионов мусульман мира носительницей традиций халифата, мусульманского духовного центра. Ее участие в Первой мировой войне на стороне противника России могло спровоцировать брожение среди российских мусульман. Перед Духовным управлением, муфтием, мусульманским духовенством стояла задача предупредить возможные вспышки недовольства мусульман, особенно среди тех, кто подлежал призыву в армию.

14 октября 1914 г. оренбургский муфтий М. Султанов выпустил специальную фетву с обращением к российским мусульманам:

*Марьям Султанова
со своими воспитанницами,
1916*

«Мы, мусульмане, заодно со всем российским народом в эти тяжелые времена должны подать помощь нашему государству к отражению неприятелей... И во времена прежних войн, защищая отчество, русские мусульмане показывали великие самопожертвования, и во времена настоящих, проходящих перед нами событий они, Бог даст, выкажут с избытком еще раз свой патриотизм».

11 ноября 1914 г. муфтий Султанов обратился к верующим с разъяснением относительно Турции, заявив, что Турция сделала необдуманный шаг, и сделала его, несомненно, под влиянием Германии, что объявление джихада не вызвано ни интересами Турции, ни религией ислама. Муфтий подчеркивал, что в Российском государстве «мы живем уже много веков и с ним сблизились исторически; в этом нашем отечестве мы живем, пользуясь земными благами и спокойствием; целость нашего отечества, а равно и его мощь, есть источник нашего благополучия и нашего спокойствия... Нам, российским мусульманам, нужно, конечно, беречь свое отечество от врага».

Позиция муфтия и Духовного собрания нашла поддержку у верующих. Во многих городах России при мечетях создавались курсы подготовки сестер милосердия, осуществлялся сбор пожертвований на нужды фронта. Активное участие в оказании помощи фронту принимали члены семей высшего духовенства, жены членов ОМДС, имамов. Невестка муфтия Марьям Султанова организовала курсы сестер милосердия, сама принимала участие в подготовке девушек для работы с ранеными, передала на нужды фронта свои личные сбережения.

Мусульманское духовенство отвечало за своевременное представление местным властям списков призывников в Российскую армию и приведение к присяге на верность императору на сборных пунктах.

С самого начала военных действий Духовное собрание поставило вопрос об увеличении числа военных имамов в Российской армии. Однако как в высших эшелонах власти, так и в армии преобладали настроения скоротечности военной кампании. К тому же военное командование издавна придерживалось мнения о том, что держать мулл под контролем достаточно проблематично, поскольку они общаются с единоверцами на родном языке.

В 1915 г. муфтия Мухамедьяра Султанова сменил на его посту Мухамет-Сафа Баязитов. Особое внимание новый муфтий уделял работе среди военнослужащих-мусульман. 30 июля 1914 г., в самом начале войны, ахун Баязитов собрал на молебен в соборной мечети Санкт-Петербурга 3 500 военнослужащих и раненых. Став муфтием, он направил Николаю II обращение:

«Царская ставка, верховному главнокомандующему, государю императору. Ваше императорское величество. Сегодня мусульмане города Уфы и других местностей, собравшись на торжественное богослужение по случаю Рамазан-байрама, вместе со мной совершили молебствие о здравии и благополучии вашего императорского величества и всей августейшей семьи. Я и моя паства дерзаем повергнуть к стопам вашего императорского величества чувства верноподданнической любви и преданности. Безгранично счастливые успехами наших доблестных войск под верховным водительством вашего императорского величества, возносим всевышнему Аллаху горячие молитвы о полном сокрушении дерзких врагов, во славу великой нераздельной России и державного ее повелителя, также на счастье многочисленных народностей ее, в том числе верных сынов вашего величества – мусульман.

Вашего императорского величества верноподданный оренбургский муфтий Мухамет Сафа Баязитов. 18 июля 1916 г.».

В июле 1916 г., когда мусульмане отмечали праздник разговения (Ураза-байрам), муфтий Мухамет-Сафа Баязитов получил от Николая II благодарственное письмо, в котором говорилось: «Благодарю Вас и всех мусульман, собравшихся на торжественное богослужение по случаю Рамазан-байрама, за молитвы и выражение верноподданнических чувств. Высоко ценю доблесть многочисленных мусульман, сражающихся в рядах нашей храброй армии. НИКОЛАЙ».

Муфтий Мухамет-Сафа Баязитов

Мухамет-Сафа Баязитов (годы жизни: 1877–1937, годы муфтийства: 1915–1917). Получил религиозное, а также блестящее светское образование – окончил полный курс Санкт-Петербургской гимназии Гуревича. Кроме этого прослушал 8 семестров в Петербургском университете на факультете восточных языков в качестве вольнослушателя. В 1911 г. стал имам-хатыбом второго прихода Санкт-Петербурга, одновременно преподавал ислам в военных учебных заведениях. После смерти отца был издателем газеты «Нур», продолжал выпуск журнала «Маглюмат». В годы Первой мировой войны муфтий вел большую благотворительную работу в деле помощи

раненым и беженцам. Временное правительство отстранило Сафу Баязитова от выполнения функций муфтия. Он был последним назначаемым муфтием, председателем Оренбургского магометанского духовного собрания. После отстранения от должности муфтия Баязитов вернулся в Петроград, в 30-е гг. проживал в Казани. В декабре 1937 г. арестован тройкой НКВД ТАССР, обвинен по статье 58, пункт 10, и 26 декабря того же года расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

Император Николай II, признавая роль мусульманского духовенства в мобилизации солдатского духа, издал 5 июля 1916 г., во время Рамазана, приказ о введении должности дивизионного муллы. В тот же год за заслуги по организации деятельности мулл в тылу и на фронте Мухамет-Сафа Баязитов был награжден орденом Святого Станислава II степени.

Война обострила некоторые проблемы, которые беспокоили мусульманское общество и в мирное время: затягивание решения вопроса приготовления пищи по канонам ислама, участие солдат-мусульман в христианских церемониях, освобождение солдат от службы в дни мусульманских праздников. Призыв в армию в годы войны солдат старших возрастов, которые в отличие от молодежи более ответственно относились к исполнению религиозных обрядов, привел к проявлению недовольства такими порядками в войсках.

Положение многих медресе и мектебов в связи с войной значительно ухудшилось. Многие преподаватели были взяты на военную службу. В то же время православные преподаватели в семинариях и церковных школах освобождались от службы. Неравноправное положение религиозных служащих вызывало протесты мусульман. В 1915 г. последовало обращение к муфтию Баязитову преподавателей и учащихся медресе г. Уфы и Казани с просьбой решить этот вопрос в правительстве. Причем главным доводом являлось то, что по сути медресе — государственное учреждение, так как находилось в ведении Министерства народного образования. В апреле 1916 г. Военное министерство пошло навстречу муфтию и предоставило отсрочку от призыва всем преподавателям и учащимся медресе. Позже такое же право было дано преподавателям мектебов. Необходимо отметить, что военное ведомство достаточно оперативно реагировало на случаи нарушения закона и принимало меры по их устраниению.

Кроме того, и в тылу требовали решения многочисленные вопросы, возникающие в связи с регистрацией браков и разводов во-

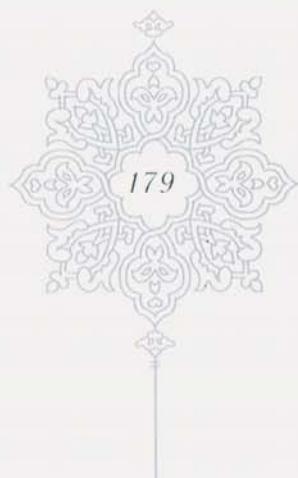
еннослужащих, а также их участием в разделе наследства. Согласно российским законам браки солдат нижних чинов разрешались только вдовым солдатам и сверхсрочно служащим. Духовное собрание постановлением от 9 ноября 1916 г. запретило женщинам, чьи мужья погибли или пропали без вести на фронте, выходить замуж до окончания военных действий. Объяснялось это многочисленными ошибками военных властей, когда объявленные умершими оказывались живыми, а их браки к тому времени уже были расторгнуты.

Однако во многих деревнях даже призванные на службу умудрялись обойти этот закон и зарегистрировать свои браки. 14 октября 1916 г. указом императора все ограничения в этой области были сняты. Что же касается раздела наследства, то Духовное собрание потребовало от мулл обязательно брать письменные расписки от военнослужащих.

Проблемы выхода замуж солдаток без оформления брака муллами усилились после революции 1917 г. Теперь некоторые женщины делали это уже сознательно. Муфтий Г. Баруди признавал многочисленность случаев, когда вернувшиеся с фронта мужчины обнаруживали, что их жены живут с другими. Конечно, часть женщин делала это из большой нужды. Однако муфтий не находил оправдания поступкам солдаток, бросавших своих мужей, в то время когда они проливают кровь и испытывают страдания. Г. Баруди ссылался на договоренности Духовного управления и Уфимского военного комитета о скорейшем появлении жестких решений, не только запрещающих подобное поведение солдаток, но и вводящих наказания. «Мусульманская женщина должна делить с мужем радости и тяжесть, терпеть случающиеся в жизни несчастья и бедствия, понимать тяжелое положение мужей на фронтах войны и воздерживаться от нарушений», — писал Г. Баруди в обращении к женам военнослужащих.

Еще одним направлением деятельности Духовного собрания в годы войны стала контрпропагандистская деятельность. Духовное собрание опровергало многочисленные слухи, распространяемые как в войсках, так и в мусульманских регионах России. Показать двойную мораль германских правителей, утвердить среди населения стойкое неприятие к противникам России — на этих направлениях были сосредоточены усилия печатного органа мусульманского духовенства.

Когда часть татарского и башкирского населения проявляла колебания, правительство рассчитывало на усиление влияния Духовного собрания на мусульманское духовенство. Через все докумен-

ты религиозного учреждения того времени проходит идея защиты страны, «разоблачается» антивоенная агитация, развенчиваются слухи и домыслы военных противников России.

Первые признаки недовольства как в армии, так и в тылу по поводу затянувшейся войны, необходимость усиления контроля за солдатами-мусульманами заставили правительственные инстанции более гибко относиться к просьбам Духовного собрания. В частности, 12 апреля 1916 г. Военное министерство постановило ввести должности военных мулл в каждой дивизии, а уже к концу года в армии появились полковые муллы с заместителями. Только на Северном фронте служило 34 военных муллы. Причем подбором кандидатур, их назначением на должность занимались военные ахуны. В июне 1916 г. муфтий Мухамедсафа Баязитов был принят императрицей Александрой Федоровной и министрами царского правительства. Во время встречи обговорили порядок назначения военных мулл, согласно которому преимуществом пользовались кандидаты, имеющие более высокую религиозную степень, а также аттестат о знании русского языка. Одновременно решился вопрос о предоставлении отсрочек всем учащимся и преподавателям медине. После встречи многие военные муллы, а также члены различных мусульманских комитетов были представлены к награждению орденами и медалями. В частности, орденом Анны III степени был награжден Хусайн Сеидбурханов, медалями — ахун при штабе Приморского военного округа Габдулгани Мурзин, военный имам при штабе 3-й армии Шарафетдин Камалетдинов и др. Впервые за свою более чем столетнюю историю Духовное собрание добилось и увеличения финансирования учреждения из казны.

Основная задача военных мулл сводилась к религиозно-правственным беседам и проповедям среди солдат-мусульман, причем нередко они производились прямо на передовой. Так, военный ахун 12-й армии Северного фронта Мирсагит Кучумов сообщал в Духовное собрание, что уже привычным делом стало произнесение молитв во время артиллерийских обстрелов и бомбардировок.

Оценка деятельности военных имамов в мусульманском обществе была неоднозначной. Крупнейшая мусульманская газета «Вакыт» выступила с резкой критикой Духовного собрания, которое не разработало систему контроля над имамами, что привело к занятию этих должностей «безнравственными людьми». По мнению газеты, муфтий должен был немедленно обратиться в правительство с инициативой о создании специального военного отдела в Духовном собрании во главе с военным кадием. Его основной задачей являлась

бы разработка инструкций для военных имамов, отбор кандидатур для занятий этих должностей, составление списков умерших и пропавших без вести на фронтах войны. Статья вызвала самые разные отзывы среди мусульман. Некоторые имамы признавали наличие в своей среде недостойных людей. Например, военный мулла штаба 6-й армии Ш. Гыякальдин в своем отзыве в Духовное собрание писал, что часть имамов не справляется с обязанностями посредника между командованием и воинами-мусульманами из-за плохого знания русского языка. В то же время он отмечал, что большинство мусульманского духовенства с честью исполняет свой воинский долг.

Заштита империи, помочь фронту и тылу, милосердная забота о раненых — этим жила Россия и ее мусульманское население. В годы войны Духовное собрание обратилось к мусульманам России с призывом сражаться до последней капли крови за «Царя и Родину».

Духовное собрание во время войны активно занималось благотворительной деятельностью. Через подведомственных мулл велся постоянный сбор денежных средств в различные общественные комитеты и фонды. Мухамедъяр Султанов, а потом и Мухаметсафа Баязитов неоднократно выступали со специальными заявлениями, предлагали мусульманам не только вносить деньги, но и активно участвовать в организации благотворительных обществ. Сотни мулл откликнулись на призыв, и уже их деятельность в свою очередь подтолкнула мусульманскую фракцию Думы к проведению в декабре 1914 г. съезда благотворительных обществ мусульман России. На нем был образован Центральный мусульманский комитет, который занялся открытием больниц, строительством убежищ, отправкой на фронт продовольствия и одежды. Сразу после окончания съезда Духовное собрание за две недели собрало и направило в Санкт-Петербург около 19 тыс. рублей. Благотворительная помощь оказывалась и нуждающимся мусульманам, находящимся в тылу. Так, в одном из обращений Мухаметсафы Баязитова говорилось о необходимости помочи тысячам беженцев, стремившихся во внутренние губернии России. Муфтий призывал всех мусульман проявить сострадание к беженцам вне зависимости от их вероисповедания и национальности, предоставить им квартиры, питание, одежду и работу.

Другой акцией Духовного собрания стала организация помощи в сельскохозяйственных работах всем семьям, члены которых находились на фронте. В большинстве деревень мусульмане сообща занимались обработкой земли и посевом различных культур. Шаг

за шагом, увеличивая представительство мусульманского духовенства в армии, правительство надеялось на патриотизм, который всегда преобладал в российском мусульманском обществе. И, конечно, в выработке такой идеологии непосредственную роль играло Духовное собрание. Именно оно внедряло в умы мусульман как на фронте, так и в тылу идеи о незыблемости Российской империи, о могуществе царя и его вооруженных сил, способных выиграть любую войну. Даже после Февральской демократической революции 1917 г. религиозное учреждение выступало за продолжение войны, обвиняя свергнутого Николая II в неспособности командовать армией. Наряду с пропагандой Духовное собрание было включено в мобилизационные мероприятия, и здесь оно достаточно хорошоправлялось с поставленными задачами.

В первые дни революции требования мусульман были сосредоточены на создании возможности проведения мусульманских обрядов в армии. Например, на собрании 11 марта оренбургские мусульмане-военнослужащие выдвинули требования соблюдения пятницы и исламских праздников, приготовления отдельной пищи, введения должности полковых мулл и особого военного муллы в Оренбургском гарнизоне, определения мест в помещениях, где совершались обряды (Вакыт. 1917. 15 марта).

Таким образом, Духовное собрание как один из немногих легальных мусульманских институтов долгое время вносило определенный вклад в укрепление межконфессиональных и межнациональных отношений в стране. Само его существование было фактором религиозной терпимости в Российской империи, признания некоторых прав мусульман в различных сферах общественной жизни, в том числе в вопросах военной службы.

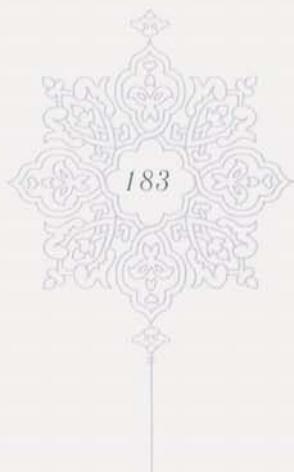
ОРЕНБУРГСКОЕ МАГОМЕТАНСКОЕ ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В.

МОДЕРНИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.

В последней трети XIX в. в России развивались модернизационные процессы, в которые были вовлечены все без исключения ее народы. «Стремительный процесс модернизации, — пишет Ильшат Насыров, — бурное вторжение во все сферы жизни новых технических и научных достижений Запада поставили мусульманское общество России перед выбором — либо стать маргинальной религиозной sectой, либо идти в ногу со временем: смело проводить реформы в духовной и социально-экономических сферах и быть в состоянии вести конкуренцию с западными народами». Другими словами, мусульмане Российской империи оказались перед необходимостью приступить к модернизации всех сторон своей жизни, в том числе системы образования, управления, взаимодействия с властью.

В начале XX в. в Российской империи функционировали четыре духовных управления мусульман: Оренбургское (для мусульман Внутренней России), Таврическое, Кавказа и Закавказья. Предполагалось также создание духовного управления мусульман Туркестана и Семиречья. В ведении Оренбургского магометанского духовного собрания в 1902 г. находилось 5 500 приходов, объединявших почти 40 млн мусульман 32 губерний и областей империи. В мечетях насчитывалось 8 897 лиц мусульманского духовенства. ОМДС как главный инструмент управления духовной жизнью мусульман Внутренней России также требовал обновления.

С начала XX в. предпринимались неоднократные попытки реформирования Оренбургского магометанского духовного собрания. Одним из первых с инициативой усовершенствования уфимского мусульманского ведомства выступил кадий Риза Фахретдинов. В 1905 г. на заседании совета улемов Духовного собрания (10–15 апреля 1905 г.) он предложил учредить пост шейх-уль-

ислама как единого лидера российских мусульман — имперского амира, избираемого всеми мусульманами, а не назначаемого правительством.

Идея централизации управления, создания института единого муфтия красной нитью проходит сквозь все мусульманские дореволюционные форумы. Добиться избрания всем мусульманским населением всероссийского муфтия с правом доклада императору — такая задача была озвучена на совете улемов в июне 1905 г. в Уфе, а также на I Всероссийском съезде мусульман в Нижнем Новгороде. Хади Атласов, ссылаясь на Шагибутдина Марджани, подчеркивал: «В исламе не должно быть двух раисов. Если раисов будет больше, настанет раскол». Галимджан Баруди также заявлял, что в исламе не должно быть двух падишахов, но могут быть наместники.

Во время проведения III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде (16–21 августа 1906 г.) для реорганизации управления духовными делами мусульман согласно пункту 3 программы съезда была избрана комиссия из 15 участников съезда под председательством муллы Галимджана Галиева. Комиссия представила съезду свой доклад из 13 пунктов, которые были под-

*Выпускники медресе Галия,
1912 г.*

робно рассмотрены на заседании 19 августа. Отмечалось, что «... реформа духовного дела должна быть начата с преобразования ныне существующих духовных собраний и правлений. Только с изменением закона о духовном управлении у мусульман может быть улучшено положение духовенства и вместе с тем поднят религиозно-нравственный уровень мусульман» (п. 1). Наиболее революционными были положения комиссии о замене пожизненного и назначаемого муфтийства избранием муфтия сроком на 5 лет (п. 2), регулярном созыве губернских и уездных съездов мусульманского духовенства (п. 7), уравнении мусульманского духовенства в правах с православным и назначение ему достаточного и равного с последним содержания. Было заявлено намерение ввести должность общероссийского имперского муфтия: «Над всеми пятью шейх-уль-исламами учреждается должность высшего в России мусульманского духовного лица Раисуль Улама, коему как главному представителю и защитнику духовных интересов всего российского мусульманства должно быть предоставлено право личных докладов государю императору о нуждах мусульман».

Предлагалось также созывать в округах «совет из избранных народом духовных и светских лиц в количестве от 15 до 50 человек, знакомых с нуждами населения».

И хотя исследователи довольно скептически оценивают программные намерения участников съезда относительно реформирования духовного управления мусульман (действительно, до радикальных преобразований дело так и не дошло), следует признать высокий уровень активности и усилий, направленных на модернизацию мусульманского общества и в том числе существенное изменение статуса, структуры и функций всероссийского духовного управления.

ОМДС ПОД СЕНЬЮ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И НАКАНУНЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ СССР

Следующий всплеск политической активности тюрко-мусульманского населения России приходится на 1917–1919 гг. Революционная борьба, движение мусульман России и национальное самоопределение тюркских народов оказались тесно взаимосвязанными. Февральский ветер свободы, ворвавшийся в мусульманский мир России, раздул тлеющие в нем искры внутренних противоре-

чий, которые обусловили пестроту общественно-политического движения мусульманских народов. Оно охватывало левореволюционные, буржуазно-националистические и помещичье-монархические силы, объединившиеся в ряд мусульманских организаций, перед которыми встал вопрос о выборе пути дальнейшего развития.

В марте – июне 1917 г. Временным правительством были отменены вероисповедные и национальные ограничения, изданы постановления, в корне меняющие направление религиозной политики. Например, объявлена амнистия по религиозным вопросам, из тюрем и ссылок освобождались тысячи ранее осужденных католиков, униатов, старообрядцев, протестантов. 20 марта 1917 г. было принято постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», провозглашающее равенство граждан в социально-экономической, политической и вероисповедной областях, отменявшее «ограничительные статьи» уголовно-административного законодательства в отношении неправославных граждан и объединений.

Идя навстречу пожеланиям инославных и иноверных объединений, правительство и органы, ведавшие церковной политикой на местах, существенно расширяли и облегчали для них условия жизни и деятельности в части строительства культовых зданий, организации богослужений и церемоний, открытия школ, учреждения духовных изданий.

По мнению исследователя М. Одинцова, июль 1917 г. можно считать рубежом в проведении вероисповедных реформ государства; правительство пришло к убеждению, что следует переходить от простого отказа от норм религиозного законодательства царского времени к разработке самостоятельных вероисповедных законопроектов. Одним из принципиальных актов этого времени стало постановление правительства «О свободе совести». В нем государство заявляло, что каждому гражданину обеспечивается свобода совести и все граждане обладают равными правами независимо от отношения к религии. Кроме того, определялся порядок «принадлежности» несовершеннолетних к вероисповеданиям и порядок их возможного перехода из одного вероисповедания в другое. Пожалуй, впервые, пусть и не вполне внятно, признавалось право граждан и на вневероисповедное состояние. Эти шаги могли обеспечить политическую поддержку верующими внутренней политики Временного правительства на пути к гражданскому единству.

14 июля 1917 г. был принят первый в истории России закон о свободе совести, предоставивший равные гражданские и политические права независимо от вероисповедания.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

20 марта 1917 г.

Исходя из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения,

Временное правительство постановило:

Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, отменяются.

В соответствии с этим:

1. Отменяются все узаконения, действующие как на всем пространстве России, так и в отдельных ее местностях, и устанавливаются в зависимости от принадлежности российских граждан к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности какие-либо ограничения в отношении:

- 1) водворения, жительства и передвижения;
- 2) приобретения права собственности <...>
- 3) всякого рода занятия ремеслами, торговлею и промышленностью <...>
- 6) поступления на государственную службу как гражданскую, так и военную <...> участия в выборах в учреждения местного самоуправления и иные всякого рода общественные учреждения, занятия всякого рода должностей по правительенным и общественным установлениям <...>;
- 7) поступления в учебные заведения всякого рода, как частные и общественные, так и правительственные, прохождения в них курса и пользования стипендиями, а равно занятия преподаванием и воспитанием;
- 8) исполнения обязанностей опекунов, попечителей и присяжных заседателей;
- 9) употребления иных, кроме русского, языков и нареций в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных учебных заведениях всякого рода и при ведении торговых книг.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

14 июля 1917 г.

В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений постановить:

1. Каждому гражданину Российского Государства обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры.

2. Принадлежность к вероисповеданию малолетних, не достигших девятилетнего возраста, определяется их родителями. При отсутствии соглашения родителей малолетние принадлежат к вероисповеданию отца. При раздельном жительстве родителей, дети принадлежат к вероисповеданию родителя, при котором они находятся. <...>

4. Для перехода достигших четырнадцатилетнего возраста из одного исповедания в другое или признания себя не принадлежащим ни к какой вере не требуется ни разрешения, ни заявления какой-либо власти. Правовые же отношения, вытекающие из принадлежности к данному исповеданию, прекращаются письменным или устным заявлением оставляющего это исповедание местному судье.

5. Поступившее в порядке, указанном в предшествующей (4) статье, заявление местным судьею немедленно сообщается приходу или религиозной общине, к которым принадлежало оставившее их лицо. О лицах, признающих себя не принадлежащими ни к какой вере, сообщается подлежащему органу местного самоуправления. <...>

8. Акты гражданского состояния лиц, не принадлежащих ни к какому вероисповеданию, ведутся органами местного самоуправления по правилам, содержащимся в статьях 39–51 раздела II именного высочайшего указа 17 октября 1906 года о порядке образования, действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях, входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов (Собр. узак., 1728).

9. Действие настоящих правил не распространяется на изверные учения, указанные в статье 96 Уголовного Уложения (Свод Законов, т. XV, изд. 1909 г.).

10. Настоящее Постановление (ст. 1–9) ввести в действие до обнародования его Правительствующим Сенатом.

Подписали:

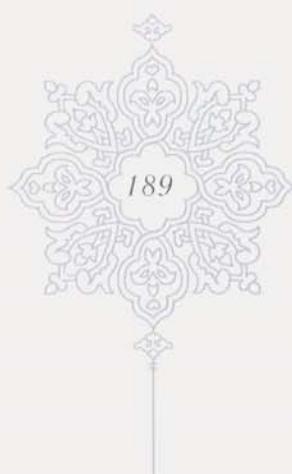
Заместитель Министра-Председателя Н. Некрасов
За управляющего Министерством Внутренних Дел
Товарищ Министра Салтыков

*Сборник указов и постановлений Временного Правительства.
Вып. № 2. Ч. 2. Пг., 1918.*

Перед мусульманами России встал вопрос о выборе пути дальнейшего развития. Образованное мусульманской фракцией Государственной думы Временное центральное бюро российских мусульман начало подготовку к Всероссийскому съезду мусульман, назенненному на май 1917 г.

Всероссийский съезд мусульман, делегаты которого представляли татар, башкир, казахов, народы Туркестанского края, Закавказья и Северного Кавказа, проходил с 1 по 11 мая 1917 г. в Москве. Накануне съезда и на его заседаниях среди представителей тюрко-мусульманской общественности довольно остро дискутировался вопрос о положении их народов в составе новой демократической России, а следовательно, и о национально-государственном переустройстве бывшей Российской империи. Преобладающее большинство представителей татар Среднего Поволжья и Приуралья – Садри Максудов и другие – выступали за единую Российскую республику при экстерриториальной автономии тюрко-татар мусульман Внутренней России и Сибири как некой «наднациональной» общности в духовной и образовательной сферах их общественной жизни. Другая группа тюрко-мусульманских националистов выдвигала альтернативный вариант – федеративное устройство Российской государства с национально-территориальными автономиями в числе субъектов федерации. Они были озабочены, естественно, национально-правовой самостоятельностью Туркестана, Казахстана, Башкортостана (Малой Башкирии). Сторонники федерации на московском съезде мусульман оказались заметно сильнее унитаристов: 446 голосами против 271 съезд высказался за федерализм и автономию.

Съезд признал формой государственного устройства, отвечающей интересам мусульманских народов, федеративную республику, основанную на принципах территориальной и – для национальностей, не обладающих своей территорией, – национально-культур-

ной автономии. Были образованы Всероссийский мусульманский совет (Всероссийское Милли Шуро) и Исполнительный комитет (Искомуc). В июле в Казани на объединенном заседании трех съездов (II мусульманского, духовенства и военных деятелей) провозгласили национально-культурную автономию мусульман Внутренней России и Сибири.

В Уфе было образовано Центральное Национальное управление мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири во главе с Садри Максудовым, состоящее из трех ведомств — духовного, финансового и просвещения. Муфтий Мухамет-Сафа Баязитов былмещен. Для управления ОМДС была создана комиссия из 16 человек под председательством имама Хабиуллы Ахтямова. Открывшееся в ноябре 1917 г. в Уфе Национальное собрание приняло Основные положения о культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Главой духовного ведомства вместо смешенного муфтия Мухамет-Сафы Баязитова был избран муфтий Галимджан Баруди, просвещения — Мухамеднажив Курбангалиев, финансов — Шайхулла Алкин. Резиденция управления находилась в г. Уфе, в здании Магометанского духовного собрания по ул. Тукаевской, 50.

В результате II Всероссийского съезда мусульман в Казани (21 июля — 2 августа 1917 г.) и съездов мусульманских военных шуро и мусульманского духовенства (в то же время и в той же Казани) было создано Всероссийское мусульманское военное шуро (ВОШУРО) — Харби шуро. 22 июля 1917 г. состоялось совместное заседание делегатов всех трех проводившихся в Казани (общего, военного и духовного) съездов мусульман, на котором было принято решение о провозглашении культурно-национальной автономии мусульман Внутренней России и Сибири.

Национальные движения на мусульманских окраинах империи в 1917 г. почти повсеместно завершились учреждением автономий с признанием исламской и пантюркистской сущности новых государственных образований. В Туркестане была провозглашена Ко-кандская автономия во главе с М. Чокаевым, в Казахстане — автономное правительство Алаш-орды во главе с А. Букейхановым, в Крыму — Национальная дирекция Крыма (Милли фирмка), возглавляемая Челебеевым. Крымский курултай принял решение об образовании автономного духовного управления Крыма, таврическим муфтием был избран Челебеев. В ноябре 1917 г. провозглашена национальная автономия башкир, а в декабре того же года

состоялся учредительный съезд (курултай) Автономного Башкурдистана.

Учреждение национальных автономий не противоречило политике Временного правительства, которую определяли кадеты, эсеры и меньшевики, принимавшие идею культурно-национальной автономии. Первоначально поддержали националистов также белогвардейцы, белоказаки, интервенты. И сибирские, и поволжские, и среднеазиатские, и крымские националисты, как и башкирские, были поддержаны Дутовым, Колчаком, Деникиным, а также командованием англичан, французов и немцев. Однако ярко выраженные сепаратистские претензии националистов шли в разрез с защитниками «единой и неделимой». Мусульмане Южного Урала в 1917–1919 гг. и последовательно, и одновременно находились под властью нескольких правительств: Временного правительства, Уфимской директории, Верховного правителя, Башкирской автономии, Национального собрания мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. В ходе военных действий мусульманское население Малой Башкирии, Уфимской и Челябинской губерний и национальное движение башкир претерпели раскол на красных и белых. В феврале 1919 г. башкирские войска перешли на сторону большевиков, в марте 1919 г. Башкирская автономия стала советской. Жизнь мусульман в ней начала строиться по советским законам.

БОЛЬШЕВИКИ И ОМДС

Большевистская политика в отношении религии, религиозных организаций и духовенства была выражена в Декрете СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.

Служители ислама понимали всю опасность декрета об отделении церкви от государства для мусульманского населения России. Почти 10 веков ислам был для него единственной системой, организующей быт, просвещение и воспитание, социальные отношения, а главное – передачу знаний. Отделение церкви от школы попросту разрушало эту систему. В своем заявлении от 5 марта 1918 г. со страниц газеты «Куряш» представители духовенства подчеркивали этот факт: «Для России декрет отделения церкви от государства необходим и правилен. Для татарского же народа, народа неграмот-

Об отделении церкви от государства и школы от церкви

ДЕКРЕТ СНК

23 января 1918 г.

1. Церковь отделяется от государства.
2. В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются.

Примечание. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность устраниется.

4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями.

5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественно-го порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской республики.

Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.

6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.

Изъятие из этого положения под условием замены одной гражданской обязанности другою в каждом отдельном случае допускается по решению народного суда.

7. Религиозная клятва или присяга отменяются.

В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание.

8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений.

9. Школа отделяется от церкви.

Преподавание всех вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от местных автономных и самоуправляющихся установлений.

11. Принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ, равно как меры принуждения или наказания со стороны этих обществ над их членами, не допускаются.

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью.

Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ.

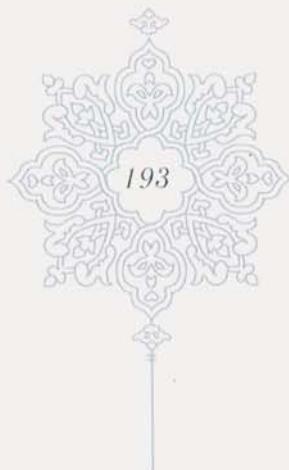
*Собрание узаконений и распоряжений Правительства РСФСР.
1918. № 18. Ст. 263.*

ного, раздробленного, только что начинающего жить, этот декрет имеет обратную силу. Православие служило русскому правительству на протяжении 10 веков, укрепляя его силу и мощь. Мы только начинаем жить, и нам еще предстоит присоединить религию к нации. Нам необходимо создать автономные тюрко-татарские штаты, а это можно сделать лишь при помощи Ислама. Если же <...> выбросить религию из стен татарских школ, если Ислам отделить от татарской нации — нашим надеждам на самостоятельность не суждено сбыться. Единение Ислама с татарской нацией — залог успешного процветания вновь нарождающихся Тюрко-Татарских мусульманских штатов».

Просуществовав не более года, Национальное правление тюрко-татар Внутренней России и Сибири было ликвидировано постановлением татаро-башкирского комиссариата от 21 апреля 1918 г.

Осталось только духовное ведомство, которое в составе тех же кадиев Оренбургского духовного собрания продолжало находиться в резиденции ОМДС в Уфе.

Был также ликвидирован печатный орган Национального управления мусульман журнал «Мухтариат». Комментируя закрытие Милли идара, передовая статья газеты «Куряш» от 26 апреля 1918 г. патетически сообщает: «Вопрос, который давно должен был решить урало-волжский и сибирский тюрко-татарский пролетариат, сегодня разрешен. Декретом Центрального татаро-башкирского комиссариата и Комиссариата по делам национальностей в Москве Милли идар арестовано. ... Теперь социальная революция тюрко-татарского пролетариата отбросила Национальное управление с пути

О ликвидации
Национального правления мусульман тюрко-татар
Внутренней России и Сибири (Милли идара)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ НАРКОМНАЦА
И ТАТАРО-БАШКИРСКОГО КОМИССАРИАТА

21 апреля 1918 г.

С сегодняшнего дня ликвидируется Национальное правление тюрко-татар Внутренней России и Сибири и национальный фонд, все ему подчиненные губернские, уездные и районные учреждения.

Все имущество, финансы и документы Национального правления передаются в распоряжение Татаро-Башкирского комиссариата при Комиссариате по делам национальностей.

До принятия [дел] специальной комиссией, прибывающей из Татаро-Башкирского комиссариата, все имущество, финансы и документы должны быть взяты в ведение Татаро-Башкирского комиссариата при Уфимском губернском совете народных комиссаров.

С условием невмешательства в политические дела Духовному управлению предоставляется право самостоятельного учреждения, ведающего религиозными делами.

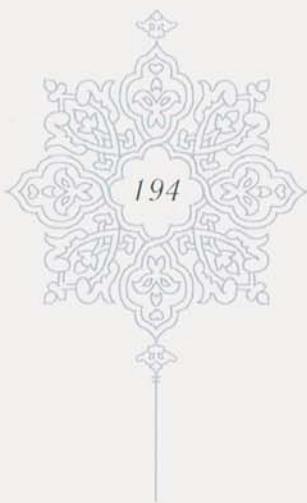
Председатель Комиссариата по делам национальностей
Сталин

Председатель Татаро-Башкирского комиссариата
Мулланур Вахитов

Юлдашбаев Б. Х. Национально-государственное устройство Башкортостана. 1917–1925 гг. Сборник документов и материалов. Т. 1. Уфа : Китап, 2002. С. 473–474; Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов / Под ред. Б. Х. Юлдашбаева. Уфа, 1959. С. 149 [Кюряш. 26 апреля 1918 г. Тюрки, араб. граф.]

классовой борьбы. Вместе с этим тюрко-татарский пролетариат вырвал из рук собственной национальной буржуазии политическую силу и стал хозяином дел своего народа».

Разъясняя трудящимся мусульманам г. Уфы положение о Татаро-Башкирской республике и роспуске Милли идара, Галимджан Ибрагимов говорил на митинге 2 мая следующее: «На Милли меджлисе, созванном для осуществления национальной автономии, рабочие и крестьяне не были представлены, на нем присутствовали лишь байи, муллы и продавшаяся [им] интеллигенция. Они не при-

знавали Советской власти, [власти] трудящихся, и существование избранного ими Национального правления было вредным для татаро-башкирского пролетариата. По этой причине ликвидация Милли идара является весьма уместной. <...> Конечно, распуск Милли идара на некоторых может произвести неприятное впечатление, но если понять, то разгон членов этого правления — всего лишь рассеивание черного дыма». Распуском Милли идара заканчивается краткий период свободы ислама в России.

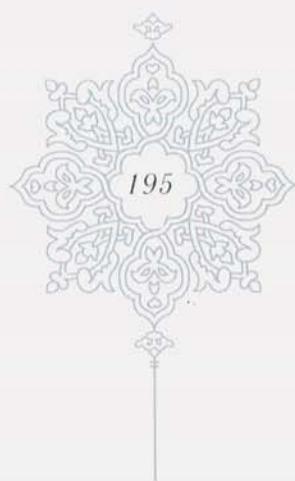
Высшее мусульманское духовенство выступило с резким протестом против усечения прав своего управления. 25 апреля оно обратилось с воззванием к мусульманам России, в котором говорилось о незаконности распуска Милли идара в чрезвычайно резких выражениях.

Смелость этого обращения свидетельствует о том, что духовенство просто не представляло себе всей тяжести той атеистической волны, которая вскоре обрушится на ислам и его последователей.

Советизация России приобретала все более необратимый характер, в связи с чем функции религиозных организаций все более сокращались. В компетенции духовного ведомства мусульман остались сугубо богословские вопросы, от социальной жизни подведомственных ему мусульман оно было отстранено. Единственным выразителем воли мусульманского населения большевистской России становится Комиссариат по делам мусульман при СНК и его губернские отделения. Его классовые и идеинные противники были уничтожены. Отныне «мусульманский национализм, а в конечном счете и сопротивление центризму Москвы, могли выразить себя только изнутри Коммунистической партии», — пишут А. Беннигсен и Ш. Лемерье-Келькёже, оценивая ситуацию, связанную с учреждением 1 февраля 1918 г. Комиссариата по делам мусульман Внутренней России (переименованного в августе в Центральный мусульманский комиссариат), а при уездных совдепах на местах — отделов по мусульманским делам.

Оренбургское мусульманское духовное собрание, муфтий Галимджан Баруди и казыи, затаившись (в буквальном смысле слова), заняли выжидательную позицию, опасаясь санкций со стороны советской власти.

Весной 1920 г. в Уфу для участия в партийной конференции приехал Лев Троцкий. Прибывший на встречу с ним Заки Валидов побывал у муфтия. Галимджан Баруди поделился своими опасениями и спросил, не будет ли пользы, если он встретится с Троцким. «Самое лучшее для вас пока вообще не подавать голоса», — ответил Валидов.

195

«Нераспущенное духовное управление
объявляет категорический протест...»

ОБРАЩЕНИЕ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
МУСУЛЬМАН ТЮРКО-ТАТАР ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ И СИБИРИ

25 апреля 1918 г.

Тех, кто возмущает верующих мужчин и женщин и не раскаивается, непременно постигнет кара божия в геене, кара для них неимоверно тяжкая (Глава «Брудж», стих 15).

Если дела страны поручаются лицам недостойным, то это означает близость конца света (из Сахих-Эль-Бухари – изречение Пророка).

Веками томившиеся в религиозных и национальных притеснениях тюрки-татары Внутренней России и Сибири, находя после великой революции [февральской 1917 г.] необходимым взять национальные и религиозные дела в свои руки, объявили культурную автономию и в целях осуществления последней созвали национальное собрание, которым было избрано национальное управление в составе трех назаретов (министерств). В сравнительно короткое время национальное управление начало приводить религиозные и национальные дела в надлежащий порядок, отвечающий запросам и желаниям нации.

Сегодня, 25 апреля, назареты финансов и просвещения из состава этого национального управления вопреки воле и желанию нации распущены темной силой. Оставшееся нераспущенное духовное управление объявляет категорический протест против такого действия, совершенного кучкой людей вопреки воле наций. Оно предупреждает лиц, совершивших эти действия, что в ближайшем будущем они понесут величайшую ответственность перед нацией и историей.

Муфтий: Галимджан Мухамеджанович Баруди

Кази: Риза Фахретдинов

Салихджан Урманов

Кашшаф Тарджуманов

Хужжат Махмудов

Габдулла Сулеймани

Мухлиса Буби

Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. Сборник документов и материалов. Казань, 1933. С. 280.

В СИБИРИ

В 1917–1919 гг. мусульманские регионы центральной части России и последовательно, и одновременно находились под властью нескольких правительств: Временного правительства, Уфимской директории, Верховного правителя, Башкирской автономии, Национального собрания мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири и, наконец, большевистских советов. В ходе военных действий мусульманское население и национальные движения претерпели раскол на красных и белых. Часть мусульманского духовенства Урала и Поволжья, занимавшая непримиримую позицию по отношению к советской власти, ушла вместе с армией Колчака в Сибирь. Среди них были 32 известных имама Уфимского, Белебеевского, Бирского, Мензелинского, Златоустовского уездов Уфимской губернии.

Ушедшие в Сибирь

ИМЕНА МУЛЛ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ, УШЕДШИХ НА ВОСТОК С АРМИЕЙ КОЛЧАКА

1919 г.

Ахмет-Шариф Мулюков – Уфимской губ. Уфимского уезда Ильметевской вол. д. Габдрахмановой; Ахметзакир Муртазин – Уфимской губ. Уфимского уезда Ильметевской вол. д. Габдрахмановой; Мухамет-Закий Мухамет-Валеев – Уфимской губ. Белебеевского уезда Куручевской вол. д. Иштиряковой; Сарван Нигматуллин – Уфимской губ. Уфимского уезда Покровской вол. д. Старый Кармаш; Хабибрахман Валиахмедов – Уфимской губ. Уфимского уезда Типтярской вол. д. Мин-Адзитаровой; Гирфан Рахманкулов – Пермской губ. Екатеринбургского уезда; Мадъяр Шамгулов – Уфимской губ. Уфимского уезда Булекей-Кудейской вол. д. Нимисляровой; Яздан Минликаев – Пермской губ. Ирбитского уезда Егоршинской вол. д. Егоринская Шахта; Гарей Махдумов – Уфимской губ. Бирского уезда Будраевской вол. д. Чишдабудрай; Тимиргалей Сулейманов – Уфимской губ. Бирского уезда Кальметьевской вол. д. Янаул; Мухаметгариф Рахманкулов – Самарской губ. Бугуруслановского уезда; Мустафа Фатхульисламов – Уфимской губ. Бирского уезда Асановской вол. д. Асановой; Ибрагим Шихабутдинов – Уфимской губ. Бирского уезда Асановской вол. д. Асановой; Арифджан Кильметев – Уфимской губ. Бирского уезда Калмаковской вол. д. Улу-Бадрак; Зия Рахманкулов – Оренбургской губ. Троицкого уезда; Мухаметханиф Галлямутдинов – Самарской губ. Бугульминского уезда Альметьевской вол. д. Абдрахмановой; Габдулахат Мусин – Уфимской губ. Бирского уезда Ельнякской вол. д. Дюртюли; Ахмет-Хусайн

В СИБИРИ

В 1917–1919 гг. мусульманские регионы центральной части России и последовательно, и одновременно находились под властью нескольких правительств: Временного правительства, Уфимской директории, Верховного правителя, Башкирской автономии, Национального собрания мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири и, наконец, большевистских советов. В ходе военных действий мусульманское население и национальные движения претерпели раскол на красных и белых. Часть мусульманского духовенства Урала и Поволжья, занимавшая непримиримую позицию по отношению к советской власти, ушла вместе с армией Колчака в Сибирь. Среди них были 32 известных имама Уфимского, Белебеевского, Бирского, Мензелинского, Златоустовского уездов Уфимской губернии.

Ушедшие в Сибирь

ИМЕНА МУЛЛ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ, УШЕДШИХ НА ВОСТОК С АРМИЕЙ КОЛЧАКА

1919 г.

Ахмет-Шариф Мулюков – Уфимской губ. Уфимского уезда Ильметевской вол. д. Габдрахмановой; Ахметзакир Муртазин – Уфимской губ. Уфимского уезда Ильметевской вол. д. Габдрахмановой; Мухамет-Закий Мухамет-Валеев – Уфимской губ. Белебеевского уезда Куручевской вол. д. Иштиряковой; Сарван Нигматуллин – Уфимской губ. Уфимского уезда Покровской вол. д. Старый Кармаш; Хабибрахман Валиахмедов – Уфимской губ. Уфимского уезда Типтярской вол. д. Мин-Адзитаровой; Гирфан Рахманкулов – Пермской губ. Екатеринбургского уезда; Мадъяр Шамгулов – Уфимской губ. Уфимского уезда Булекей-Кудейской вол. д. Нимисляровой; Яздан Минликаев – Пермской губ. Ирбитского уезда Егоршинской вол. д. Егоринская Шахта; Гарей Махдумов – Уфимской губ. Бирского уезда Будраевской вол. д. Чишдабудрай; Тимиргалей Сулейманов – Уфимской губ. Бирского уезда Кальметьевской вол. д. Янаул; Мухаметгариф Рахманкулов – Самарской губ. Бугуруслановского уезда; Мустафа Фатхульисламов – Уфимской губ. Бирского уезда Асановской вол. д. Асановой; Ибрагим Шихабутдинов – Уфимской губ. Бирского уезда Асановской вол. д. Асановой; Арифджан Кильметев – Уфимской губ. Бирского уезда Калмаковской вол. д. Улу-Бадрак; Зия Рахманкулов – Оренбургской губ. Троицкого уезда; Мухаметханиф Галлямутдинов – Самарской губ. Бугульминского уезда Альметьевской вол. д. Абдрахмановой; Габдулахат Мусин – Уфимской губ. Бирского уезда Ельнякской вол. д. Дюртюли; Ахмет-Хусайн

После отступления войск Белой армии за Урал в Сибири продолжалось создание местных органов культурно-национальной автономии — национальных советов (Милли Шуро). Национальное управление неоднократно обращалось к Омскому правительству с просьбой о «принципиальном» признании национально-культурной автономии мусульман. Обращения сопровождались организацией массовых кампаний поддержки с мест, были созваны мусульманские военные съезды и собрания мусульман в Омске, Томске, Иркутске, Новониколаевске, которые признали Национальное собрание мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. В Омск, где находилась ставка Верховного правителя, одна за другой поступали телеграммы от имени собрания мусульман Урала и Сибири.

*О признании культурно-национальной автономии
мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири
и ее органа – Национального управления*

ТЕЛЕГРАММА
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ АВТОНОМИИ
МУСУЛЬМАН СИБИРИ И ПРИУРАЛЬЯ В ОМСК
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

29 марта 1919 г.

г. Петропавловск.

Национальным управлением тюрко-татар мусульман Внутренней России и Сибири возбуждено ходатайство о принципиальном признании культурно-национальной автономии и ее органа в лице Национального управления. Оставлены докладные записки. ...Мы, представители местных органов автономии Сибири и Приуралья, собравшиеся на совещание в Петропавловске, всецело присоединяемся к означенному ходатайству и просим о скорейшем рассмотрении возбужденного вопроса. Твердо надеемся, что правительство, идя навстречу пожеланию мусульманского населения, разрешит вопрос в положительном смысле.

Председатель совещания Султанбек Мамлеев
Секретарь Якубов

Нам И. В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. I. Сибирь. 1917–1920. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. С. 206 [ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 17–18. Подлинник. Телеграф. бланк].